

подобную тѣмъ, какія она читала. Сила перваго горя, жестокое смущеніе перваго открытія смягчилось мало-по-малу при воспоминаніи о такихъ же положеніяхъ. Мысль ея блуждала среди трагическихъ исторій, поэтически окрашенныхъ романистами, такъ, что ужасное открытіе начинало уже представляться ей естественнымъ продолженіемъ какого-нибудь фельетона, прочитаннаго наканунѣ.

Она говорила себѣ: «Я спасу свою мать!» И почти успокоенная такимъ геройскимъ рѣшеніемъ, она почувствовала себя сильной, какъ бы выросшей, готовой на самоотверженіе и борьбу. Она начала размышлять о средствахъ повести ее. Только одно показалось ей пригоднымъ, такъ какъ соотвѣтствовало ея романическому характеру.

И подобно тому, какъ актеръ готовится къ сценѣ, она стала готовиться къ разговору который ей предстояло вести съ маркизой.

Солнце взошло. Слуги уже задвигались въ домѣ. Пришла горничная съ покоемъ. Иветта велѣла поставить подносъ на столъ и сказала:

— Скажите мамашѣ, что я нездорова и останусь въ постели до отъѣзда этихъ господъ; что я не спала всю ночь и прошу, чтобы меня не беспокоили.

Удивленная горничная глядѣла на мокрое платье, валявшееся, какъ тряпка, на коврѣ.

— Вы, значитъ, выходили? — спросила она.

— Да, я гуляла по дождю, чтобы освѣжиться.

Горничная подобрала грязныя юбки, чулки, ботинки и ушла, не безъ брезгливости неся мокрыя вещи, точно платье съ утопленника.

Иветта стала ждать, зная, что мать ея придетъ.

Маркиза вошла, соскочивъ съ постели при первыхъ же словахъ горничной, такъ какъ у нея оставалось нѣкоторое сомнѣніе въ душѣ, послѣ того, какъ она услышала въ темнотѣ крикъ: — мамаша!

— Что съ тобой? — спросила она.

Иветта глядѣла на нее и лепетала:

— Я... я... — но отъ страшнаго волненія вдругъ начала задыхаться. Удивленная маркиза снова спросила:

— Что съ тобой?

Тогда, позабывъ о всѣхъ своихъ проектахъ и подготовленныхъ фразахъ, молодая дѣвушка закрыла лицо руками, лепеча:

— Ахъ! мамаша! мамаша!